

непререкаемого авторитета, незыблемой и священной ценности культуры. Специфика интертекстуальных связей в современной прозе в том и заключается, что традиционное, уже известное так заостряется и высвечивается, что из данности становится проблемой, из готового ответа пре-вращается в вопрос, обращенный в будущее, из итога – в проект.

Примечания

1. Кондаков Б.В., Кондаков И.В. Классика в свете современной интерпретации // Классика и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 20–48
2. Палей М. Отделение пропащих. М.: Моск. рабочий, 1991. 223 с.

© Н.К. Нежданова

Курган

БИБЛЕЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РОК-ПОЭЗИИ

Известно, что в советское время (в том числе в 70–80-е годы) в основном преобладает однозначный подход к оценке мировоззренческой ориентации писателей и их творчества. Использование религиозной терминологии, символики, образов и сюжетов рассматривалось как проявление тенденций «богоискательства», что подвергалось резкой критике в литературоведении и средствах массовой информации.

В рок-поэзии нет единого отношения к религии. Ряд произведений, посвященных сверхъестественной борьбе Добра и Зла, созданы с христианских позиций. Общественная усталость от официального атеизма, отношение к религиозным ценностям, как к желанному и запретному плоду развивали положительное отношение к религии.

Однако религиозная символика, библейские образы, сюжеты являются в рок-поэзии одним из способов раскрытия общечеловеческих, нравственных, эстетических проблем, то есть обращение к библейским реминисценциям носит эстетический и в наименьшей степени религиозный характер. Хотя утверждение Любви и Добра, а значит, стремление к Богу, были свойственны лучшим рок-поэтам.

Прежде всего, отметим тему духовных поисков, хотя они вызваны не столько жадой Богознания, сколько стремлением найти альтернативу окружающей обывательской бездуховности, где и решения – всего лишь маска.

В стихотворении М. Науменко «Свет» в качестве духовной опоры выступает библейское, молитвенное слово «Отче наш...», оппозиционное всему строю советской жизни. Оно подключает к авторскому тексту тему высокого духовного устремления.

И когда мне так плохо,
Что вынести это никак нельзя.

И когда жизнь – не жизнь,

А просто обман страшного дня

И когда в сером небе
Над нами кружит воронье
Я шепчу: «Да святится имя твое» [6; 84].

Хотя вопрос веры в Бога для рок-мироощущения остается открытым, более гармонично признание Ю. Шевчука: «Я – церковь без креста» [2; 15], – само же слово «вера» «похоже на нож». Институт веры для рок-поэзии весьма важен, это прежде всего вера в торжество Добра как человеческой сущности:

Я верую в светлый разум,
И в то, что он светлым будет. [5; 112]

Чаще всего в своих философских размышлениях поэты используют не религиозные термины, а абстрактные понятия Добра и Зла, вообще характерные для рок-поэзии.

...я – Солдат Вселенной
В мировой войне Добра и Зла,
И грянул бой на целый белый свет [2; 38]

Функция возникающих религиозных реминисценций – показать правоту достигнутого добра, внести мир и справедливость.

Иногда рок-поэты выводят религиозность на бытовой уровень («Слава Богу, осталась бутылка вина» [6; 15]).

При этом два противоречивых чувства – духовные искания и неприязнь к стандартной бытовой религиозности – находятся в борьбе друг с другом.

У А. Башлачева духовная опора переворачивается, вера становится «соломенной», и основополагающее «спаси-сохрани» превращается в «скоси-схорони»

И наша правда проста, но ей не хватает креста
Из соломенной веры в «спаси-сохрани».
Ведь святых на Руси – только знай выноси!
В этом высшая мера. Скоси-схорони. [1; 45]

Б. Гребенщиков опускает Господа Бога с неба на землю, отмечая его путь на географических картах (перефразировка «пути господни неисповедимы»).

В рок-текстах часто встречается отождествление «Я – Бог».
Я – Создатель всего,
что ты видишь вокруг.

А ты, моя радость,
Ты – Матерь богов (И. Кормильцев) [7; 217].

Этот семантический комплекс перекликается с раскольническими концепциями, догматом веры которой является идея множественного воплощения Христа и представление о доступности личного отождествления с богом:

Ну а мы уходим в боги,
Так пускай звонит по нам

Словно месса по убогим

Колокольчик на штанах (Б. Гребенщиков) [3; 12].

А. Башлачев провозглашает: «И колокольчик был выше Храма / Да в чистом поле, да с песней звонкой...» [1; 12]. На смену колоколу приходит время колокольчиков, а выше Храма они потому, что они – символ новой духовности, наполняющей пустоту старой веры. Колокольчик – символ не сакральный, а плясовой. Служением этой веры становится танец-свистопляс и песня и стих.

Библейские реминисценции проходят в рок-текстах и как переосмысленные Мотивы. Темы чаще всего представлены как образ двойственный, в основе которого лежит антиномия, как доминанта поэтического мышления рок-поэзии. Так, ангел Б. Гребенщикова похож на Брюса Ли, у А. Башлачева «Ангелы-чернорабочие», «все ангелы в запое». Ангел не просто погружается в бытовую ситуацию, но приобретает черты земного существа.

Находит отклик в рок-поэзии и тема распятия. У К. Кинчева ссылка на Библейский сюжет как намек:

К несчастью, я слаб

Как был слаб очевидец

Событий на Лысой Горе [4; 142].

В другом стихотворении «Красное на черном» Кинчев, обобщая образ распятия, пытается посредством библейских реминисценций соотносить рок-мироощущение с кругом Вечных христианских ценностей.

А на Христе не спекается кровь

И гвозди так и не смогли заржаветь,

И как эпилог – все та же любовь,

А как пролог – все та же смерть! [4; 93]

Библейская реминисценция используется в современном контексте: распятие представляется не как единичное, временное происшествие, а как вечное, обновляющееся, происходящее и по сей день.

А. Башлачев придает распятию «богоборческий» оттенок: «Не жалко распять для того, / чтобы вернуться к Пилату». Распять для того, чтобы вернуться к истоку, в качестве которого здесь выступает Пилат. Вернувшись к этому истоку, встав к началу, поэт надеется найти новый круг «беспокойного лада».

Итак, понятие религии расширяется в рок-поэзии от языческих до христианских символов, от поклонения языческим богам (А. Башлачев) до возвеличивания Божьей Матери (Б. Гребенщиков). Использование религиозных символов и библейских сюжетов в рок-поэзии служит особым колоритом, помогающим передать особенности самосознания рок-поэтов. Для рок-поэтов религиозные реминисценции – не столько выражение личных духовных переживаний, сколько часть русской культуры, система символов, близких образованному русскому человеку, независимо от его религиозных взглядов.

Прмечания

1. Башлачев А. Посошок. Л., 1990. 80с.
2. Время колокольчиков. М.: Искусство, 1990. 121с.
3. Гребенщиков Б. 14: полный сборник текстов «Аквариума» и Б. Г. М.: Experience, 1993. 398с.
4. Кинчев К. Жизнь и творчество. М.: Новый геликон, 1993. 293с.
5. Макаревич А. Все очень просто. М., 1994. 223с.
6. Майк из группы «Зоопарк». Тверь, 1996. 228с.
7. Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение. М.: ТЕРРА, 1997. 400 с.

© Ю.В. Несынова

Екатеринбург

Г. ИВАНОВ: ПОЭЗИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

И полную грудью поется,

Когда уже не о чем петь.

Г. Иванов

В начале своего творческого пути Г.В. Иванов считался критиком и собратьями-поэтами «петербургским» поэтом средней руки, одним из многих ему подобных. Его поэзия была подчеркнута бес- субъектна и описательна, преобладали жанры экфразиса и ведуты, пейзажные зарисовки, традиционные темы и мотивы. В 1922 году Г. Иванов покинул Россию навсегда. Долгие периоды молчания в эмиграции свидетельствуют об изменениях, происходивших во внутреннем мире поэта: его мироощущении, ценностных ориентирах, нравственных приоритетах. Когда голос Г. Иванова вновь зазвучал – это была уже совсем другая поэзия, за которую современники по праву присудили ему «бедное, потертое кресло первого поэта русской эмиграции» (Р. Гуль).

Лирический герой раннего Г. Иванова существовал в особом мире рафинированной культуры и красоты. Средоточием этого мира и, шире, центром Вселенной, средоточием мироздания для него был Петербург. Потеря Родины и привычного культурного контекста, чувство одиночества и бездомности эмигранта, тяготы эмигрантского существования, на которые наложились события первой половины XX века: сталинский террор в России, Вторая мировая война (Иванов пережил фашистскую оккупацию во Франции), – все это обусловило изменение мироощущения поэта.

Г. Иванов чувствует, что мир вокруг него потерял свое единство и гармоничность и рассыпается на части. Вместе с миром рассыпается на части душа лирического героя: «История моей души и история мира. Они переплетены, как жизнь и сон. Они срослись и проросли друг в друга... Обнявшись, слившись, переплетаясь, они уносятся в пустоту со